

թողնում է իր երկիրը և կենտրոնանում է քաղաքներում, — գրել է Նալբանդյանը: — Ազգատու-թյունը ստիպում է ետրան թողնել յուր տունը, յուր բնական լուր ամուսինը, յուր զավակները և զեալ Պոլիս կամ այլ քաղաք ազգատու-թյունից ազատվելու համար: (Մ. Նալբանդյան, Երկրագործությունը որպես ուղիղ հանապարհ, Երևան, 1930, էջ 73):

Սղաժ փաստերը խոսում են այն մասին, որ հայերի մասնաշաղկապ հողագրկման քաղաքակա-նությունը ոչ թե հետապնդում էր հայ գյուղացու հորատացումը, ինչպես կարծում է Ա. Համբար-յանը, այլ նպատակ ուներ բնաշարի անել նրան, ստիպել, որ ետ թողնի իր հայրենիքը, որպեսզի հայկական եահանգները բնակեցվեն թուրքե-րով: Գրանով թուրքական կառավարությունը ձգտում էր վերջնականապես խեղդել հայերի ազ-գային-ազատագրական շարժումը: Այդ քաղա-քականությամբ թուրքիան ձգտում էր հասնել մի երկրորդ քաղաքական նպատակի՝ իր նվա-հողական պանթուրքական պլանների իրագործ-ման հանապարհին հայ ժողովրդին ենթարկել ֆիզիկական բնաշնչման և ամրացնել արևելյան հակառակ բնորոշ մուսալմանի: Մյուս կողմից էլ հայկական հարցը թուրքական եղանակով լու-ծելու միջոցով վերջ տալ մեծ տերությունների

միջամտություններին Թուրքիայի ներքին գոր-ծերին:

Այս հիմնական պատճառներով էլ, մեր կար-ծիքով, բացատրվում հայերի մասնաշաղկապ հո-ղագրկումը թուրք և քուրդ ազաների և բեյերի միջոցով ու մուսուլմանների ներգաղթի ուժեղա-ցումը զեպի հայկական վիրայիները:

Ն. Մեր կարծիքով սխալ է հեղինակի ետև հետևյալ թեզը, թե իրը «...ազգային բուրժուա-կան կուսակցությունները... ոչ միայն լիանգա-րեցին, այլ օգնեցին Արզու Համիդին ազգային-ազատագրական շարժումները մեշելու գործում» (էջ 35): Ըստ Համբարյանի ստացվում է, որ ետ ազգային կուսակցությունները, որոնք գլխավո-րում էին իրենց ժողովրդի ազգային-ազատա-գրական պայքարը թուրք բանակապետությունից ա-զատագրվելու համար, իրականում օգնում էին արյունարբու Արզու Համիդին խեղդելու ազ-գային-ազատագրական շարժումները: Իհարկե, սրտ հետ համաձայնվել չի կարելի:

Գրախոսվող մեկագրությունը լուրջ գիտական ուսումնասիրություն է, շարադրված մարքս-լե-նինյան մեթոդոլոգիայի հիմունքներով, և մեր գիտողությունները, որոնց մի մասը կրում է գիտական վեճի բնույթ, բուրրավորել էլ չեն ետև-մացնում նրա արժանիքները:

Պրոֆ. Ե. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

М. А. ЗАБОРОВ. Введение в историографию крестовых походов
(Латинская хронография XI—XIII веков). М., 1966, 381 стр.,

цена 1 р. 69 коп.

Монография о латинской хронографии эпохи крестовых походов написана автором популярных книг о движении крестоносцев и целого ряда статей об историографии этих войн.

По изложению их истории, данному М. А. Заборовым, эти походы явились результатом политики римского престола, стремившегося к определенным политическим целям. Экономические, социальные и психологические условия эпохи оказываются не более, чем фоном в проявлении и действии этого основного фактора движения крестоносцев¹. На взгляды автора о роли папства в этих войнах, по-видимому, оказали влияние представления о политике римских первосвященников, имевшие широкое хождение в период, когда М. А. Заборов писал свою книгу об истории крестовых

походов. С того времени римские папы неоднократно выступали в качестве сторонников мирной внешней политики в современных условиях и высказывались против агрессии.

В книге «Папство и крестовые походы», опубликованной в 1960 г., автор с несколько большей определенностью указал на значение социально-экономических условий в причинах крестовых походов и усилил этот фактор в его соотношении с политикой Рима². Тем не менее в его представлениях политика папства остается решающим фактором в причинах крестовых походов (стр. 181 и сл.).

В статьях М. А. Заборова об историографии крестовых походов значительное место занимает рассмотрение взглядов историков на причины этих войн. Однако он не дал

¹ М. А. Заборов. Крестовые походы, М., 1956, стр. 32 и сл.

² М. А. Заборов. Папство и крестовые походы, М., 1960, стр. 11 и сл.

научного решения этого вопроса в своих собственных работах, и поэтому его историографические статьи оказываются непоследовательными и не дают глубокого анализа трудов о крестовых походах. В других случаях они заведомо односторонни. Так, говоря об изучении этих войн русскими византинистами, М. А. Заборов отмечает связь их деятельности с царской политикой на Востоке³. Но от его внимания ускользают при этом другие аспекты их научных исследований: тесная связь с русской историей и культурой, в которой тем или иным формам взаимосвязей с Византией принадлежало значительное место.

В своем «Введении в историографию крестовых походов» М. А. Заборов рассматривает латинскую хронографию XI—XIII вв. Классическим трудом в этой области является книга Г. Зибеля «История первого крестового похода»⁴. В нем Г. Зибель делает важные и глубокие выводы на основе сопоставления различных латинских хроник. М. А. Заборов в ряде мест своей книги ссылается на исследование Г. Зибеля и на труды некоторых других историков (стр. 315 и сл.). Книга М. А. Заборова имеет более критический характер в той своей части, где автором исследуются хроники, посвященные четвертому крестовому походу: на основе сопоставления им выясняются достоверные и недостоверные моменты их содержания. Зато в других ее частях автор этого не делает. В результате изложение оказывается некритическим.

В изучении хроник важнейшим вопросом является проверка их достоверности как в их конкретном, так и в более общем содержании. В монографии М. А. Заборова имеются главы: «Цели составления хроник крестовых походов (в свете исторических традиций античности и средневековья)», «Провиденциалистская историософия и ее особенности в ранних хрониках крестовых походов», «Провиденциалистская символика и действительная история крестовых походов в латинских хрониках второй половины XII—XIII вв.», «Объективное и тенден-

циозное в латинских хрониках крестовых походов (до начала XIII в.)». Совершенно очевидно, что изучение византийских, армянских, арабских и других источников могло бы пролить много света на все эти вопросы.

М. А. Заборов почти не использует восточных источников, а армянские хроники на страницах его книги и вовсе не появляются. Он пишет о вспомогательном значении византийских и восточных письменных памятников (стр. 5) и почти совсем к ним не обращается. Влияет ли это их исключение на научные особенности книги? Ответом на данный вопрос и является наша рецензия, тема которой ограничена армянскими источниками.

Латинские хроники содержат отдельные критические суждения о крестоносцах и крестовых походах. Однако их преобладающий тон в большей степени оказывается панегирическим, чем критическим. Иначе обстоит дело с произведениями армянских хронистов. Панегирические оценки крестоносцев в них встречаются очень часто. Армянские авторы восхищаются и подвигами крестоносцев. В то же время отрицательные мнения о них, критические оценки их действий и их разоблачения в армянских сочинениях можно найти на многих страницах. Соотношение между теми и другими, между положительными и отрицательными, панегирическими и обличительными мнениями и оценками является в них совсем другим. Последние определенно выдвигаются на первый план и очень часто создают преобладающий тон или фон изложения.

Армянские хроники содержат яркие страницы обличений и разоблачений. Так, Григорий Проповедник рассказывает о том, как в 586 г. армянского летосчисления (1137—1138 г.) жители Кесуна покинули город при одном только приближении его сеньера Балдуина.

Когда византийский император осадил Беа, против мусульман со своей пехотой и конницей выступил сеньер Кесуна Балдуин. Узнав об этом, жители покинули город⁵.

³ М. А. Заборов. Крестовые походы в русской историографии последней трети XIX в. Византийский временник. Т. XXII. 1963, стр. 227 и сл.

⁴ H. Sybel, Geschichte des ersten Kreuzzuges, Düsseldorf, 1841.

⁵ «... և քնակիրք բազարիս ևս զնաջին և թափուր մնաւ բազարս ի յարանդ...» Chronique de Grégoire le Prêtre, Recueil des historiens des croisades (далее—RdHdC). Documents arméniens (далее—DA). Т. I, Paris, 1869, стр. 154).

Страх гнал их вместе с семьями, они удалялись, одни—в Бехесны или Рабан, другие—в Хром-гла, и Кесун остался безлюдным⁶. Из города не ушли всего несколько князей с пехотинцами гарнизона и его правитель, или герцог (*unich*). Вахрам⁷. Я, смиренный Григорий, светский проповедник, побуждал их мужественно защищать город, дабы он не был захвачен и сожжен⁸.

В изложении этого эпизода сразу бросаются в глаза не только сознательные действия жителей Кесуна, уходивших от опасности, но и проявленный ими страх как известное психологическое предрасположение, заставлявшее уходить и в том случае, когда не были известны цели приближавшихся франков. Такое предрасположение присуще и самому хронисту, хотя у него оно проявляется в противоположном смысле в сравнении с жителями города: последние спасаются бегством, а Григорий Проповедник побуждает князей и воинов защищать город. Но побуждения у всех них те же самые — это опасения, что город будет захвачен и сожжен.

Известное предрасположение и настроение этого рода создавались в определенных социальных условиях и представляли собой психологическое отражение каких-то явлений общественных и политических отношений. Эти настроения не могли не сказаться в передаче хронистами отдельных исторических событий.

Матвей Эдесский не менее ярко рассказывает об изгнании графом Балдуином жителей Эдессы из их родного города.

В 562 г. армянского летосчисления (1113—1114 г.) Модуд выступил во главе бесчисленной армии против франков. Когда он прибыл в мусульманский город Харан, эдесский граф Балдуин находился со своим войском в Челбасаре. И там несколько франков, людей порочных и закоренелых в зле⁹, сделали графу ложный донос, будто

многие жители Эдессы сговорились между собой сдать город туркам¹⁰. Граф слушал эти злые языки и поверил наветам. В его мозгу созрел страшный план. Он тотчас же послал графа Серуджа в Эдессу, приказав изгнать оттуда всех жителей, чтобы в городе не осталось ни души. Эти люди, имеющие ужасный вид, решились изгнать население из города и перебить его¹¹. Франки торопились пролить невинную кровь, расправиться с жертвами, не причинившими им никакого вреда. И этот народ с развращенным сердцем считал злонамеренными всех других людей¹².

И вот на Эдессу обрушилось страшное бедствие. Отец не узнавал сына, сын отвергал отца. Всюду слышались жалобы, причитания и стенания. В каждом доме, охваченном печалью и отчаянием, раздавались крики ужаса. Люди, выполнявшие приказ графа, вытолкали жителей из их дворов, выгнали из города и приказали сжечь все остававшееся в домах. В городе никого не осталось, за исключением 24-х человек, которые под вечер укрылись в церкви св. Тороса и заперлись в крепости под защитой солдат. Это был ужасный день для Эдессы. Каждый, кто был свидетелем всего этого, жаловался на судьбу, которая постигла его самого. Нет жестокостей, которых франки не совершили бы¹³. И Эдесса, эта блестящая столица, осталась пустынной. Она уподобилась вдове, которая раньше была матерью всех, которая объединяла вокруг себя другие народы и тех, что вышли с крестом в руках навстречу франкам, когда эти последние, как нищие, просили подаяния. И теперь они осквернили ее самыми недостойными действиями, и это за все благодеяния, которые она им расточала¹⁴.

¹⁰ «... և ասէին, եթէ քաղաքս միարանեալ են և կամին քրաքարն Ուռայ ի թուրքն տալ» (там же).

¹¹ «... կամեցան սրով հարկանել և կոտորել զամենայն քաղաքն առ հասարակ» (там же, стр. 105).

¹² «Բայց ի չարութեան սրտից ազգին իրեանց զամենայն ոք չարարարք կարծէին» (там же).

¹³ «Եւ ոչ մնայ ինչ չարութիւն գիշոյ որ ոչ ամին ի վերայ քաղաքին Ուռայոյ ազգն փռանկաց» (там же, стр. 104).

¹⁴ Там же, стр. 105—106.

⁶ «... և մնայ Քեսուն անմարդ...» (там же).

⁷ Там же, стр. 154—155.

⁸ «... զի մի գուցէ եկեալ այրիցն քրաքար մեր, որ եղև իսկ» (там же, стр. 155).

⁹ «... յայնժամ յազգէն փռանկաց արք չարաշուներ և զանն որոշօգր չարաւ. չարութեան և մատնութեան...» (Extraits de la chronique Matthieu d'Edesse, RdHdC. D.A., T. I, стр. 104).

Описывая этот эпизод политической истории Востока, хронист негодует на франков вместе с изгнанными эдессцами. Он потрясен и выражает глубокое возмущение. В его словах слышны отголоски стенаний, которые в те дни наполняли Эдессу.

Настроения латинских хронистов были совсем другими, а их печальные сетования по поводу поражений баронов и рыцарей носили совсем иной характер и по форме выражения, и по своему содержанию. Совершенно очевидно, что одни и те же события должны были получить в их хрониках различное освещение, объяснение и истолкование.

Насколько важно параллельное использование латинских и армянских источников, их сравнение и дополнение одних другими, показывает сопоставление отдельных исторических эпизодов по тем и другим источникам, эпизодов и событий, дошедших до нас через призму специфических представлений и восприятия их авторов.

Целый ряд латинских хроник рассказывает о том, как в 1100 г. был взят в плен турками антиохийский князь Боэмунд. В анонимных «Деяниях франков» сообщается, что Боэмунд шел на помощь Гавриилу, армянскому владельцу Милитены. «Осуществляя это предприятие,—говорится дальше в хронике,—Боэмунд продвигался со своими немногими людьми, не испытывая при этом опасений, неосторожно попал в засаду, устроенную военачальником турок по имени Данишменд, и был взят в плен недалеко от названного города¹⁵.

Радульф Каенский так передает этот эпизод. Боэмунд узнал об осаде Милитены турками и поспешил с войском к городу. Турки же, зная, что он находится близко, по своему обыкновению, устроили засаду. Они вообще больше побеждают, нападая с тыла, а не наступая с фронта¹⁶. Приближаясь к городу, Боэмунд не обнаружил засады. Его люди жаждали отдыха, но он

подымал их дух своим спокойствием и вел их, чтобы нанести окончательное поражение туркам¹⁷. Тех, кто ему не верил, он убеждал, основываясь на легкомысленной смелости и на своем предубеждении. Хронист вкладывает в его уста образные разоблачения слухов о силе турок: «Поистине, это делают лисы, которые скоро услышат лай собак». «Как бы то ни было, те и другие сразились между собой, Боэмунд был схвачен и связан, в результате, большая слава—магометанам, великая печаль—христианам»¹⁸.

Радульф представляет поражение Боэмунда прежде всего как результат применения турками их коварной тактики ведения боя, их тактических приемов. Он отмечает легкомыслие князя, но и это—опротечивая смелость, и в гораздо большей степени восхищается его мужеством и настойчивым стремлением к победе над турками.

Изложение этого эпизода, даваемое Альбертом Аахенским, является менее противоречивым. Боэмунд выступил с тремястами рыцарей к Милитене по просьбе ее правителя. Его встретил со своей конницей Данишменд, и в заявавшемся бою рыцари были осыпаны градом стрел. Силы Боэмунда иссякли, а его отряд перебит, обращен в бегство и рассеян. Одни были изрублены, другие схвачены и, закованные в кандалы, отправлены в плен вместе с князем Боэмундом¹⁹.

Альберт ограничивается простым пересказом данного эпизода. Он, впрочем, ничего не говорит о внезапности нападения Данишменда. Умолчание хрониста о неосмотрительности Боэмунда оставляет в тени совершенство военной тактики франков.

Фульхерий Шартрский рассказывает об этом эпизоде несколько подробнее. После краткого сообщения о призыве Боэмунда в Милитену в хронике Фульхерия говорится о военачальнике Данишменде, который с большим числом турок шел наперерез Боэмунду, совершавшему переход без предо-

¹⁵ „... Imprudenter non longe a praefata urbe captus et detentus est“ [Gesta francorum, XLI, RdHdC. Historiens occidentaux (далее—НООС). Т. III, Paris, 1866, стр. 519].

¹⁶ „Magis enim ipsi ad tempus vel horam terga vertendo quam accedendo praevalent“ (Gesta Tancredi in expeditione hierosolymitana auctore Radulfo Cadomenst, CXLI, RdHdC. НООС. Т. III, стр. 705).

¹⁷ „... quiete refectis viribus suis, contra Turcos ad debellandum exiret“ (там же).

¹⁸ Там же. Cf. Tudebodus imitatus et continuatus, Historia peregrinorum, CXXXVI, RdHdC, НООС. Т. III, стр. 227.

¹⁹ Alberti Aquensis historia, VII, XXVII, RdHdC. НООС, Т. IV, Paris, 1879, стр. 524.

сторожностей²⁰. «Вблизи города эти нечестивцы, укрывавшиеся в засаде, набросились на них со всех сторон. Наши не решились сразиться, потому что были малочисленны, и в панике бросились в бегство; многих из них турки убили и забрали все их достояние. Они схватили самого Боэмунда и увели его в плен»²¹.

Вильгельм Тирский, для которого, в начальной части его хроники, основным источником служила «Иерусалимская история» Фульхерия Шартрского, также рассказывает о посольстве, отправленном к Боэмунду владетелем Милитены Гавриилом. Боэмунд выступил по этому призыву, имея при себе только свиту, перешел Евфрат, вторгся в Месопотамию и уже приближался к городу. «...Тогда-то могущественный турецкий сатрап, по имени Данишменд, знавший о его приближении, внезапно напал на его отряд; наступая на не подозревавших опасности воинов, он предавал их мечу; уцелевшие, бессильные противостоять массе врагов, обратились в бегство. Сам Боэмунд за свои прегрешения попал в плен и был закован в цепи»²².

В изложении этой кампании Вильгельм Тирский высказывается только против грехов Боэмунда.

Этот небезынтесный эпизод политической истории северной Сирии содержится и в хронике Матвея Эдесского. Как же передает его армянский хронист?

Князь Милитены Хорил просил Боэмунда оказать помощь городу против угрожающего ему Данишменда, обещая сдать город Боэмунду. Последний и Ришар, его родственник, выступили против Данишменда, который, в свою очередь, повел свои войска на равнину Милитены. Отправляясь в поход, Данишменд в нескольких местах расставил засады. Боэмунд и Ришар продвигались без каких-либо мер предосторожности и, в то же самое время, в полной уверенности²³. Их воины поснимали ору-

жие²⁴ и надели на себя украшения, как женщины в похоронной процессии²⁵. Свое оружие они передали слугам и были безоружны.

Данишменд напал на них совершенно внезапно, и закипел ожесточенный бой. Франки и армяне были перебиты, а Боэмунд и Ришар попали в плен²⁶.

Отношение латинских хронистов к тому, как Боэмунд вел кампанию, закончившуюся его пленом, противоречиво, а их критические суждения отрывочны. Описание этого эпизода Матвеем Эдесским является несравненно более последовательным, причем изложение он ведет в живых сравнениях и образах. Его критические суждения не опровергаются в латинских хрониках, тогда как соответствующие места в последних оказываются односторонними в свете этой критики. Сочинение Матвея Эдесского показывает одностороннее освещение латинскими авторами последней кампании Боэмунда на Востоке.

Интересно также сопоставить сообщения различных хронистов о победе Нуреддина над Раймундом де Пуатье и о гибели последнего (1149 г.).

Вильгельм Тирский, перед тем как рассказать о гибели антохнийского князя Раймунда де Пуатье, говорит об ухудшении положения христиан на Востоке. Если раньше одно только имя крестоносцев внушало врагам страх, то теперь они прониклись таким высокомерием и такой гордостью, что угрожают легко расправиться со всеми христианами²⁷. Латинский хронист приписывает высокомерие и гордость мусульманам. У него положительный взгляд на своих соотечественников.

По словам этого автора, Нуреддин собрал громадное войско на территории всего Востока и вторгся в пределы Антохийско-

²⁴ «... և զորք բերանց դատարկ և թափուր ի սրոց պատերազմի» (там же).

²⁵ «... և ասյին պատուհալք որպէս սամայր գինտ մեռելոց» (там же).

²⁶ Там же, стр. 51—52.

²⁷ «... In tantam elati sunt praesumptionem et audaciam, ut jam de caetero nec eorum vires haberent suspectas, nec postulis instare solito acerbius vererentur» (Milleri Tyrensis historia, XVII, IX, стр. 771). См. старофранцузский перевод этого места, в котором та же мысль выражена более четко и ясно.

²⁰ «... moliens Boamundum imprudentem sic ambulanti intercipere» (Fulcherii Carnotensis historia iherosolymitana, I, XXXV, там же, стр. 369).

²¹ Там же.

²² Willermi Tyrensis historia, IX, XXI, RdHdC, Посс. Т. I, Paris, 1844, стр. 396.

²³ «... անմտաբար և ամենայն անպատրաստութեամբ լցեալք էին» (Extraits de la chronique de Matthieu d'Édesse, ԺԷ, стр. 51).

го княжества. Не предвидя серьезного сопротивления, он осадил замок Непа. Узнав об этом, князь Раймунд, воин отважный и непреклонный²⁸, непредусмотрительно поспешил к этому месту с небольшим отрядом²⁹. Он при этом не прислушивался к советам и не стал дожидаться своих воинов, которым приказал явиться для выступления в поход³⁰. Принимая отряд Раймунда за большое войско, Нуреддин отступил от замка. Антиохийский князь в полной уверенности остановился со своими рыцарями, считая, что враг не осмелится вернуться. Но Нуреддин получил от своих разведчиков сведения о численности отряда и ночью окружил его. Утром князь и его рыцари увидели себя окруженными со всех сторон, как в осаде. Раймунд побуждал рыцарей к бою. Произошло сражение, в котором франки были разбиты и сам антиохийский князь погиб³¹. Хронист восхищается Раймундом де Пуатье: «Таков был князь Раймунд, муж величественный, опытнейший в военных делах, безмерно превосходивший врагов, всегда победоносный; он совершил для своего княжества много смелых и великих дел, которые требуют, чтобы их описали...»³². Впрочем, хронист не берется за это дело: он не считает себя вправе останавливаться на подробностях и деталях событий³³.

Таким образом, у Вильгельма Тирского отрицательные суждения о неосмотрительности и самоуверенности графа перемежаются с ясно выраженным восхищением его мужеством и смелостью. В начале главы, содержащей рассказ о смерти князя, говорится о надменности и гордости мусульман, а в ее заключительной части дан негирик воинской доблести Раймунда. Григорий Проповедник в своей отрицательной оценке действий Раймунда де Пуатье

является гораздо более последовательным автором.

Вот что рассказывает Григорий Проповедник о смерти антиохийского князя Раймунда де Пуатье. Отметив, что князь погиб в 598 г. армянского летосчисления (1149—1150 г.), хронист сразу дает объяснение причины его гибели. Он видит эту причину в самоуверенной дерзости князя. Надменная безрассудность франков вызвала его гибель. Они имели высокомерие³⁴ сражаться с врагом, не дожидаясь подхода других христианских войск³⁵, которые уже были готовы к бою. При этом не только были уничтожены франки вместе с их военачальниками, но еще погибли и многие христиане³⁶. В этот день Нуреддин истребил многих вождей христиан, проводивших жизнь в удовольствиях и наслаждениях, а других увел в рабство в Алеппо³⁷.

Нет надобности в подробном рассмотрении того, насколько различны описания этого эпизода военных действий франков на Востоке у Вильгельма Тирского и Григория Проповедника. Первый отмечает неосмотрительность Раймунда и восхищается им. Второй резко критикует действия князя, причем его отрицательные мнения находят подтверждение и в хронике латинского автора.

В рассмотренных случаях латинскими и армянскими хронистами дается различное освещение событий. В сочинениях армянских авторов—иной психологический подход, иной тон изложения и совсем другие оценки. Их мнения имеют более критический характер, и они чаще всего не расположены к восхвалению франков. Соответствующие места латинских хроник оказываются односторонними, предвзятыми и тенденциозными.

В ряде мест своей книги М. А. Заборев пишет о тенденциозном изложении латинскими хронистами событий первого крестового похода, о необоснованном возвышении ими героизма крестоносцев и восхвалении франков. Однако эти рассуждения автора оказываются произвольными, по-

²⁸ «... homo animosus et impetuusus...» (там же, стр. 772).

²⁹ «... cum paucis imprudens ad partes illas accelerat...» (там же).

³⁰ «... nec alterius consilio in hujusmodi regebatur, non expectato suorum equitum, quos evocari praeceperat comitatu...» (там же).

³¹ Там же, стр. 772—773.

³² Там же, стр. 773.

³³ Там же.

³⁴ «... ըստ ամբարասանութեան իւրոց...» (Chronique de Grégoire de Prêtre, ճԺ, стр. 161).

³⁵ «... և ոչ հաւանեցան միարանել ընդ զորս քրիստոնէից» (там же).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

сколько он их не доказывает по источникам. Они в одних случаях правильны, в других правдоподобны и в третьих лишены осно-

ваний. Реальную почву для научной критики дают восточные источники.

Г. ДМИТРИЕВ (Ленинград)

ЭД. А. МЕНАБДЕ. *Хеттское общество* (экономика, собственность, семья и наследование). Отв. ред. Г. А. Меликишвили. Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 1965, 229 стр., цена 1 р. 26 коп.

ԷԴ. Ա. ՄԵՆԱԲԴԵ, *Խեթական հասարակությունը* (տնտեսությունը, սեփականությունը, ընտանիքը և ժառանգությունը): Պատ. խմբ. Գ. Ա. Մելիքիշվիլի: «Մեջմբեհեր» հրատարակչություն, Թբիլիսի, 1965, 229 էջ, գինը 1 ռ. 26 կ.:

Рецензируемая книга задумана в широком плане, ее вторая часть будет посвящена вопросам социальной и государственной структуры Хатти. Это, однако, не лишает книгу самостоятельного значения. «Хеттское общество» написано с учетом чуть ли не всего более или менее значительного, содержащегося в хеттологической литературе, и дает достаточно полное представление о существе тех социальных явлений, которые привлекали внимание автора на протяжении всех пяти обширных глав исследования. Сами главы сгруппированы автором вокруг двух разделов, один из которых посвящен рассмотрению хозяйственной деятельности населения и видам собственности, другой — брачно-семейным отношениям и праву наследования.

Опираясь исключительно на эпиграфический материал и письменные документы, каждый раз сопоставляя толкования их в литературе, Эд. А. Менабде сумел остаться верным строго научным методам. Оба раздела книги это и отличают. Примечательно, что, сохраняя в поле своего зрения наряду с хеттскими хозяйственно-юридическими документами аналогичные материалы и по другим восточным обществам, автор выступает за признание своеобразия цивилизаций, специфики Хатти (и Урарту), развивающейся в условиях отличных, например, от Двуречья или Египта. И точка зрения, что для всех других стран (кроме этих последних) решающее значение имели лишь внешние стимулы роста, справедливо отвергается на том основании, что главное внимание должно быть, очевидно, направлено прежде всего на «внутренние стимуляторы развития» этих стран, особенно Хатти (стр. 18, 25). Собственно поэтому Эд. Менабде и анализи-

рует хеттские законы, привлекая в целях достижения большей глубины весь косвенный материал, относится ли он к древним законодательным памятникам, традиционным в исследованиях, или приобретен научкой недавно. Немаловажное значение имеет и тот факт, что хронологические рамки, установленные автором для своей книги, охватывают в основном тот период, когда в истории хеттов все социально-экономические стороны их жизни развились в наибольшей степени, получив рельефное отражение в хозяйственных и юридических актах. Это время от XV до начала XII в. до н. э. — от наибольшего могущества хеттской империи до кануна ее падения.

В первом разделе книги исследуются аграрное производство, развитие ремесел, состояние торговли и виды собственности у хеттов.

Скудные данные, позволяющие говорить о хеттах как о «крестьянском народе», занятом в основном аграрным производством, дополнены указанием автора на тот немаловажный факт, что в Хеттских законах около 100 статей из всех 185 касаются сельского хозяйства. Скотоводство, очевидно, преобладало над земледелием и носило, говорит автор, многоотраслевой характер. Правда, и земледелие было многоотраслевым. Отдельные статьи Хеттских законов свидетельствуют, что высшая власть проявляла заботу как о государственных, так и об общинных землях, возможно, даже поощряла освоение залежных земель. Во всяком случае стоимость земельных участков, как и во многих современных Хатти империях, была очень низка.

Обрисовка аграрной деятельности хеттов, рассмотрение которой сопровождается уточнением терминов, завершена у Эд.